

НАДЕЖДА ТЭФФИ

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ
ВХОДИВШИЕ В
СБОРНИКИ

Надежда Тэффи

**Стихотворения, не
входившие в сборники**

«Public Domain»

Тэффи Н.

Стихотворения, не входившие в сборники / Н. Тэффи — «Public Domain»,

Современники называли Тэффи (Надежду Александровну Лохвицкую, по мужу — Бучинскую) «изящнейшей жемчужиной русского юмора». За свою долгую литературную жизнь Тэффи выпустила свыше тридцати книг — прозу, драматургию, поэзию. Но известность ей принесли юмористические рассказы, в равной степени любимые читателями разного возраста, образования и социального положения. Среди тех, кто обратил внимание на ее сочинения, был сам Государь Император Николай II.

Содержание

Четыре инженера	5
Признание	7
Шансонетка	8
Маленький диалог	9
Патроны и патрон	10
Из Мицкевича	11
Из Гейне	12
Гаданье	13
Черный карлик	14
Бедный Азра	15
Два стихотворения	18
Письмо в Америку	20

Надежда Тэффи

Стихотворения, не входившие в сборники (сборник)

Четыре инженера

Скучала я, потупя взор,
Они ж вели свой разговор,
В один все повторяя тон:
«Цемент-бетон! Цемент-бетон!
Цемент-бетон! Цемент-бетон!»
Они в один твердили тон.

Я им сказала: «Господа!
Зачем же вы пришли сюда,
Коль смысл всей жизни заключен
Для вас в цемент, в цемент-бетон?
Коль смысл всей жизни заключен —
Для вас – в цемент, для вас – в бетон?..»

Их было четверо; из них
Никто не слышал слов моих,
Все продолжали в унисон
Хвалить цемент, хвалить бетон...
Цемент-бетон! Цемент-бетон
Они хвалили в унисон!

Мне нравится один из них,
Но он не знает чувств моих:
Он так глубоко погружен
В цемент-бетон, в цемент-бетон!
Он всей душою погружен
В цемент-бетон, в цемент-бетон!

Казалось – я не утерплю,
Скажу ему, как я люблю!
Быть может, позабудет он
Про свой цемент, про свой бетон;
Да, хоть на миг забудет он
Про свой цемент, про свой бетон!

Но нет! Я знаю – скажет он:
В своем я сердце не волен, —
Другой я страстью поглощен —
И эта страсть – цемент-бетон!

Цемент-бетон! Цемент-бетон!
Да, эта страсть – цемент-бетон!

Ах! если б мне поверил он,
Моим лобзаньем упоен,
Забыл бы он, как скучный сон,
И свой цемент, и свой бетон —
Забыл бы он, как скучный сон,
И свой цемент, и свой бетон!

Они ушли, и говор стих,
Но с той поры в ушах моих
Звучит, как похоронный звон:
«Цемент-бетон! Цемент-бетон!»

Звучит, как похоронный звон —
«Цемент-бетон!.. Цемент-бетон!!»

*Журн. «Почтальон», 1902, № 10.
[Подпись: Н. Бучинская]*

Признание

О, не смущай меня! Не спрашивай, мой милый!
Я не смогу сказать – люблю ли я тебя,
Но я обнять могу с такою жгучей силой,
Как обнимают только любя!

От ласк моих любовью веет!
Не будем дней златых терять!
Никто, поверь мне, не сумеет
Тебя так жарко приласкать!

Я поняла тебя! Твой взор властолюбивый
Во мне рабу свою увидеть бы хотел...
Но нет! Душой моей изменчивой и лживой
Еще никто всецело не владел!..

От глаз моих любовью веет,
Не бойся смело в них взглянуть!..
Никто, поверь мне, не сумеет
Тебя так ловко обмануть!

*Журн. «Почталъон». 1902, № 11.
[Подпись Н. Бучинская]*

Шансонетка

Как хорошо к безбрежной синей дали
Нас увлекала зыбкая ладья!
О нашем счастье в целом мире знали
Лишь море, небо, ты да я!

Ты говорил, мои целуя руки,
Что будешь век у ног моих лежать,
За взгляд один готов идти на муки,
За поцелуй согласен жизнь отдать!

А я в ответ чуть слышно прошептала,
Что без тебя не в силах больше жить,
Что лишь с тобой блаженство я б узнала
И что хочу твоей навеки быть!

Мы улыбались. Солнце золотило
Волну моих распущенных кудрей...
Оно нам счастье яркое сулило,
Как блеск его полуденных лучей!..

Да, хорошо к безбрежной синей дали
Нас увлекала зыбкая ладья!
И хорошо в то утро все мы лгали —
И солнца луч, и ты... и я!!

Журн. «Беседа». 1903, № 7.

[Подпись: Н. Бучинская]

Маленький диалог

– Мисс Дункан! К чему босячить,
Раз придумано трико?
Голой пяткой озадачить
Нашу публику легко!

– Резкий тон вы не смягчите ль,
Коль скажу вам *à mon tour*¹:
Танцевальный мой учитель
Шопенгауэр был Артур.

– Мисс Дункан! За вас обидно!
Говорю вам не в укор —
Шопенгауэр очевидно
Был прескверный канканер.

Газ. «Биржевые ведомости». 1904, 19 дек.

¹ В свою очередь (*фр.*).

Патроны и патрон

Спрятав лик в пальто бобровое
От крамольников-врагов,
Получивши место новое,
Едет Трепов в Петергоф.

Покидая пост диктатора,
Льет он слезы в три реки.
Два шпиона-provокатора
Сушат мокрые платки.

«Ах! Подобного нелепого
Я не ждал себе конца:
Генерал-майора Трепова,
Благодетеля-отца,

Кто порядки образцовые
Ввел словами: «Целься! Пли!» —
В коменданты во дворцовые
Не спросился упекли!

Ведь для них я был мессиею,
Охранял и строй, и трон,
Был один над всей Россиею
Покровитель и патрон!»

Трепов! Не по доброй воле ли
С места вам пришлось слететь?
Сами вы учить изволили,
Чтоб патронов не жалеть!

Газ. «Новая жизнь». 1905, 1 нояб.

Из Мицкевича

Снарядившись для похода,
Писарёвский воевода
Говорит команде речь:
«Враг пред вами. Цель в прохвоста!
Меть верней! Бери в полроста,
Разом пули и картечь!
Бить мерррзавца – честь солдата.
Раз, два, три! Пали, ребята!
Пусть издохнет скверный гад!»
– «Рад стараться!» – взвыли взводы,
Дружно в спину воеводы
Выпуская весь заряд.

Журн. «Сигнал». 1905, вып. 2

* * *

Ты пойдь, моя коровушка, домой,
Ты пойдь, моя непоеная!
За тобой давно следит городской:
Будешь скоро успокоенная!

Запишись скорей ты в партию П.П.
Иль возьмись за ум да в «Русскую»:
Коль найдешь друзей в шпионе да в попе,
Не спознаешься с кутузкою.

Если ж нет – тебя сведут в арестный дом,
Изобьют тебя, как гадину,
Назовут тебя крамолы вожаком
И съедят твою говядину!

Журн. «Красный смех». 1906, № 4

Из Гейне
На острове диком...

Дзунлулу Десятый, король каннибалов,
Решив подкрепиться чуть-чуть,
Съел двух стариков, трех девиц и ребенка
И лег на часочек всхрапнуть.

И снится ему, что в том крае далеком,
В том крае, где клюква растет,
Обжора Дубасов полковнику Мину
Такой же обед задает.

Журн. «Зарницы», 1906, № 1

Гаданье

Ночь. Вдали от пиროванья
(Тише, сердце! Не стучи!)
Кто для таинства гаданья
Зажигает две свечи?

Зыбкий пламень озаряет
Стекля круглые очков,
О судьбе своей гадает
Перед зеркалом Гучков.

Замирает, как девица,
И робеет, и дрожит.
Таракан в углу дивится
На его смятенный вид.

«Кто-то, кто моя судьбина?
Дай мне, зеркало, ответ!
Из союза ли детина,
Или чистенький кадет?

Молвить правду – за кадета
Я и очень бы не прочь,
Да ему и то и это —
До приданого охоч!

Аль сподручней за детину?
На идеи он не лих:
Знай купи себе резину
И расходов никаких.

Скажут: «Вот поймали гуся!»
А что я в ответ скажу?
Все я, девушка, боюся,
Все робею, все дрожу!

Пламя вьется... Пламя зыбко
Озаряет тьму времен...
Где кадетская улыбка?
Где резиновый батон?..

Журн. «Серый Волк». 1908, № 1–2

Черный карлик

Мой черный карлик целовал мне ножки,
Он был всегда так ловок и так мил!..
Мои браслетки, кольца, серьги, брошки
Он убирал и в сундучке хранил.

Но в черный день печали и тревоги
Мой карлик вдруг поднялся и попрос...
Вотще ему я целовала ноги —
И сам ушел, и сундучок унес!

Журн. «Сатирикон». 1909, № 18

* * *

У маменьки своей спросило раз дитя,
От робости смущаясь и краснея:
«Скажите мне всю правду, не шутя,
Отцом иль матерью – кем быть труднее?»

Молчала мать, не зная, что сказать,
Но гувернантка молвила беспечно:
«Давно тебе самой пора бы знать,
Что матерью труднее быть, конечно.

Когда бы ты историю прочла,
Тебе б ясна была тому причина:
Ведь папой в Риме женщина была,
А мамой – ни один мужчина!»

Журн. «Сатирикон». 1910, № 5

Бедный Азра

Каждый день чрез мост Аничков,
Поперек реки Фонтанки,
Шагом медленным проходит
Дева, служащая в банке.

Каждый день на том же месте,
На углу, у лавки книжной,
Чей-то взор она встречает —
Взор горящий и недвижимый.

Деве томно, деве странно,
Деве сладостно сугубо:
Снится ей его фигура
И гороховая шуба.

А весной, когда пробилась
В скверах зелень первой травки,
Дева вдруг остановилась
На углу у книжной лавки.

«Кто ты? – молвила, – откройся!
Хочешь – я запламенею
И мы вместе по закону
Предадимся Гименею?»

Отвечал он: «Недосуг мне,
Я агент. Служу в охранке
И поставлен от начальства,
Чтоб дежурить на Фонтанке».

Журн. «Сатирикон». 1911, № 24

* * *

Не вспыхну я, не побледнею,
Мой взор не робок, не смущен.
Я все могу, хочу и смею —
От солнца факел мой зажжен.

Пройду, не узнанная вами,
И не пойдет никто за мной,
Но в небе алыми звездами
Означен был мой путь земной!

Альманах изд-ва «Шиповник», 1912. Кн. 17

* * *

Голубая асфodelь!
Голубая! Голубая,
Как небесная свирель,
Что звенит в начале мая,
Прогоняя прочь апрель.
Лепестки твои сгибая,
Голубая! Голубая!
Я томлюсь твоей мечтой,
Чтоб пчела в тебя вползала
И вонзала злое жало
Прямо в венчик золотой!

Альманах изд-ва «Шиповник», 1912. Кн. 17

* * *

Душно в комнате моей...
Все бесстыдней, все алей,
Словно кровь раскрытой раны
Рдеют красные тюльпаны...
В душном пламенном бреду
Я иду к тебе, иду...
Словно кровь раскрытой раны,
Словно красные тюльпаны,
Все бесстыдней, все алей
Красный сон души моей!

Альманах изд-ва «Шиповник», 1912. Кн. 17

* * *

Красные верблюды – зори мои, зори —
По небу далекой чередой идут...
Четками мелькают в вечернем моем взоре —
За красным верблюдом красный верблюд...

Ах, недолго ждать мне с тоскою покорной,
Ждать, чтобы последний зарею потух.
Палицей огромной, чрез все небо черной
Гонит их, торопит страшный пастух.

На небо наплыли облаки-утесы...
Близок, близок отдых. Спешите скорей!
Там, в садах Аллаха надзвездные росы,
Там каждый получит по жажде своей.

Журн. «Современные записки». 1928, № 34

* * *

На повороте ввысь душа остановилась,
Душа, мы вместе, ты еще со мной.
О, оглянись, скажи, чем ты пленилась,
Что вспомнишь ты, покинув край земной?

Ей вспомнится как будто дуновение,
Как перезвон цветов, овеянных весной,
Как тихих звезд серебряное пение,
Не слышанное мной.

И вспомнятся еще какие-то хрустальные,
Лазурно-алые святые корабли,
Не сившиеся, даже не мечтальные,
Невиданные на морях земли.

И вспомнится еще в веках обетованное,
Чему названья нет на родине земной.
Единое, блаженно-несказанное,
Не познанное мной.

Газ. «Русские новости», 17 янв. 1947

Два стихотворения

1

Опять тот сон! Опять полудремота!
Ни образов, ни слов не уловлю...
И в этом сне всегда уходит кто-то —
Не знаю кто, но я его люблю.
И я брожу по черным острым скалам,
Перехожу бурлящие ручьи...
Как тяжело моим глазам усталым
Искать следы – сама не знаю чьи!
И я в тоске смертельной пробуждаюсь,
И я не знаю – сплю или не сплю.
И все ищу, среди людей блуждая,
Кого во сне так горестно люблю.

2

Старик, похожий на старуху,
К роялю кресло подкатив,
Стал пальцем подбирать по слуху
Старинный дедовский мотив.
И вдруг запел, заблеял нежно,
Как заболевшая овца,
Так безобразно безнадежно,
Так без начала, без конца:
«Я очи знал. О, эти очи.
Как я любил их, знает Бог!
От их волшебной, страстной ночи
Я душу оторвать не мог».
И как фальшивил он ужасно!
Какие он там очи знал?
А за окном блаженно-ясно
Закат безмолвный догорал.
И луч над горестным виденьем
Простер в воздушной высоте
Как бы святым благословеньем
От нас сокрытой красоте.

Журн. «Возрождение». Январь 1949, № 1

* * *

Когда я была ребенком,
Так, девочкой лет шести,

Я во сне подружилась с тигренком —
Он помог мне косичку плести.

И так заботился мило
Пушистый, тепленький зверь,
Что всю жизнь я его не забыла,
Вот – помню даже теперь.

А потом, усталой и хмурой —
Было лет мне под пятьдесят —
Любоваться тигриной шкурой
Я пошла в Зоологический сад.

И там огромный зверище,
Раскрыв зловонную пасть,
Такдохнул перегнившей пищей,
Что в обморок можно упасть.

Но я, в глаза ему глядя,
Сказала: «Мы те же теперь,
Я – все та же девочка Надя,
А вы – мне приснившийся зверь.

Все, что было и будет с нами,
Сновиденья, и жизнь, и смерть,
Слито все золотыми звездами
В Божью вечность, в недвижную твердь».

И ответил мне зверь не словами,
А ушами, глазами, хвостом:

«Это все мы узнаем сами
Вместе с вами. Скоро. Потом».

Журн. «Дело». 1952, № 2

Письмо в Америку

Доплыла я до тихого берега
Через черный и злой океан.
И моя голубая Америка
Лучше ваших коммерческих стран.

Вот придут ко мне Ангелы гордые
И святых осуждающих клир
И найдут, что побила рекорды я
Всех грехов, оскверняющих мир.

Я заплачу: «Не вор я, не пьяница,
Я томиться в аду не хочу».
И мохнатая лапа протянется
И погладит меня по плечу.

«Ты не бойся засилья бесовского, —
Тихо голос глухой прорычит, —
Я медведь Серафима Саровского,
Я навечный и верный твой щит.

С нами зайчик Франциска Ассизского
И святого Губерта олень,
И мы все, как родного и близкого,
Отстоим твою грешную тень.

Оттого что ты душу звериную
На святую взнесла высоту,
Что последнюю ножку куриную
Отдавала чужому коту.

Позовет тебя Мурка покойная,
Твой любимый оплаканный зверь,
И войдешь ты, раба недостойная,
Как царица в предрайскую дверь».

Вот какие бывают истории.
Я теперь навсегда замолчу.
От друзей вот такой категории
Я вернуться назад не хочу.

Журн. «Дело». 1952, № 2

* * *

Хочу, вечерняя аллея,
В твоих объятьях холодея
Шаги последние пройти,
Но меж ветвей твоих сплетенных,
Нездешней силою согбенных,
Нет ни возврата, ни пути.

Уже полнеба ночь объяла,
Но чрез сквозное покрывало
Твоей игольчатой хвои
Зловеще огонь заката пышет
И ветер не благостный колышет
Вершины черные твои.

*На Западе. Антология русской
зарубежной поэзии. Нью-Йорк, 1953*